

Г. С. Яроцкая

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Язык как индикатор отношения к власти в истории русской лингвокультуры

Яроцкая Г. С. Мова як індикатор ставлення до влади в історії російської лінгвокультури. У статті представлено спробу надати лінгвокультурне підтвердження протиріччя російської правової свідомості. Лексикографічні та текстові матеріали дозволяють дійти висновку про амбівалентність оцінного відношення російського народу до царя та до представників влади (начальству). Побудовано еволюційно-семіотичний ряд (род — мир — община — Русь — Россия), до якого увійшли значимі для російської культури смисли, що відіграли ключову роль у формуванні правової та державної свідомості росіян.

Ключові слова: лінгвокультура, правова свідомість, еволюційно-семіотичний ряд.

Яроцкая Г. С. Язык как индикатор отношения к власти в истории русской лингвокультуры. В статье представлена попытка дать лингвокультурное подтверждение противоречивости русского правового сознания. Лексикографические и текстовые материалы позволяют сделать вывод об амбивалентном оценочном отношении русского народа к царю и к представителям власти (начальству). Выстроен эволюционно-семіотический ряд (род — мир — община — Русь — Россия), в который вошли значимые для русской лингвокультуры смыслы, сыгравшие ключевую роль в формировании правового и государственного сознания.

Ключевые слова: лингвокультура, правовое сознание, эволюционно-семіотический ряд.

Yarotska G. S. Language as an indicator attitude to the authority in the history of Russian lingual culture. The article is an attempt to give the language and cultural confirmation of contradiction Russian legal consciousness. Lexicographic and text materials illustrate an ambivalent appraisal of the attitude of the Russian people to the czar and to the authorities (начальству). The evolutionary and semiotic series was constructed: род — мир — община — Русь — Россия. These words represents significant meanings for Russian lingual culture and played a key role in shaping of the legal and state consciousness.

Keywords: lingual culture, legal consciousness, evolutionary and semiotic series.

В исторических и философских работах неоднократно отмечалась противоречивость отношения к власти и управлению в истории русской культуры, причины которой связываются учеными с тем, что идея власти в России формировалась под непосредственным влиянием психологии общинного хозяйства [6:86]. Возможно, анализ языковых фактов концептуализации власти в русском национальном сознании, составляющий цель данной статьи, может дать лингвокультурное обоснование противоречивости отношения народа к власти в истории русской культуры.

Актуальность работы определяется, с одной стороны, значимостью проблем формирования правового сознания в современном российском обществе, с другой — недостаточной разработанностью методики лингвокультурного анализа языковых фактов как воплощения ключевых идей национального сознания. Материалом исследования послужили данные словарей, текстов, тематически связанных с изучаемой проблематикой (см. список источников).

О позитивном отношении к идее управления и власти свидетельствует значение лексемы безголовие — беда, несчастье [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 102]. Однако несмотря на изначально

заложенную сознанием позитивную оценку идеи управления (внутренняя форма -прав-: править, управление), отношение народа к властям, то есть представителям власти, по мнению некоторых ученых, напоминало отношение к оккупантам [6:85]. Известно, что во время восстаний в народе периодически возникало стремление к поголовному истреблению начальства. Исторические документы свидетельствуют о глубокой вражде народа к чиновникам, к «начальным людям», к начальству.

Лексема начальство, которая, по нашему мнению, вряд ли имеет достаточно полный эквивалент при переводе на другие языки, носит оценочно амбивалентный характер. Начальство — это те, кто отдает приказы и кому необходимо подчиняться. Но одновременно они, как проповедовал Аввакум, подстрекаются дьяволом. В коллективном обыденном сознании начальство — это люди, которые руководствуются личной корыстью (мздоимцы, лихоимцы) и глупыми заумными идеями. Чиновник (кормщик, кормленщик, наместник и т.д.), как пишется о нем в челобитных, т.е. просьбах и жалобах в высшие инстанции, лишь «смотрел своего прибытка». В мирских челобитных кормленщики именовались «волками,

мучителями и разорителями». Челобитчики писали: «Наместники, волостели и приветчики и их пошленные люди чинят продажи и убытки великие...»; «Наместника и пошленных людей впредь прокормить нам не мочно и от того-де у нас в степях и волостях многие деревни запустели и крестьяне-де от того насильства и продаж разошлись по иным городам... безвестно разбрелись врозь. От кормщиков убытки не меньше, чем от самих разбойников». Историки говорят о том, что идея замены системы кормления сборными институтами была нестремимой в массовом сознании. В действиях начальства видели нарушение воли царя [2].

В противоположность этому отношение к царю со стороны народа характеризовалось как положительное (царь-батюшка). Например, Иван IV изображался как справедливый царь. Бедствия же, связанные с террором и разорением, воспринимались как естественные и в вину царю не вменялись. С древних времен в сознании русского народа присутствовал идеал строгой, но справедливой власти (ср. А. С. Пушкин: «...Царь был строг, но справедлив...»). А все народные беды идут от чиновников, которые обманывают государя и искажают его волю. Такая зависимость веками приучала к мысли: жизнь человека зависит не от закона, а «от воли царя», и чтобы «найти правду», надо идти «на поклон царю». Но чаще в реальности убеждались: «До Бога высоко, до царя — далеко», надо терпеть. Отношения власти и населения по традиции понимались как патриархально-семейные: «царь-батюшка» — глава «русского рода», и «дети государевы» (народ), обязаны исполнять все его приказы, иначе род погибнет [7:168].

Образ царя в обыденном русском сознании сохранял позитивную оценочность вплоть до начала XX века. Существует немало версий, объясняющих, почему же образ царя как народного защитника столь глубоко укоренился в сознании русского народа. Идеологические основания этого убеждения находятся, на наш взгляд, не только в византизме, хорошо усвоенном русскими, но и в ценностном отношении к миру, старшему, главе рода, сформированном еще в дохристианский период. В «Слове о полку Игореве» князья назывались «Дажьбожьими внуками», а Дажьбог был Царем-Солнцем, мифическим родоначальником русских людей. Следовательно, культурное наследие способствовало тому, чтобы первое лицо в государстве могло вписаться в нравственный идеал, выдвигающий князя/царя в качестве источника, носителя высшей Правды. В результате крещения Руси первое лицо стало помазанником Божьим, что «не отменило, но возвысило и подтвердило дохристианскую веру», т.е. имела место полная культурная преемственность. «Идея морального единства всей "братии" уступила место безусловному политическому подчинению всех остальных перед "старшим" их господином» [1:187]. Как отмечал религиозный философ П. Флоренский, «в сознании русского народа са-

модержавная власть — это не юридическое право, не условность, а милость Божия» [8].

Как считает Е. Ю. Бобылёва, на первоначальном этапе зарождения российской государственности глубинной основой для формирования идеала власти были религиозные представления. Именно поэтому, обретая статус православной державы, Россия придерживается концепции богоданности царской власти, царя-батюшки как носителя и защитника Высшей Правды <...> В её основе лежала соответствующая рецепция христианской мировоззренческой парадигмы. Правда государства здесь связывается с Божественной Правдой, православной верой, истинным — от Бога данным царем, защитником Высшей Правды... [3:12].

Исчезло из русского обихода даже само слово «дружи́на», а вместо него стало употребляться слово «двор», как в Европе. С падением Византии в XV веке московских князей стали называть «царь» (от римского «кесарь»), а в 1547 г. Иван Грозный венчался на царство. Слово «царь» стало официальным, и это был не титул, а скорее — божественное имя, с мистическим смыслом: «воля царя — воля Бога». Царь — это «наместник Бога на земле», и власть его беспредельна, а с 1649 г. в Соборном Уложении личность царя прямо отождествляется с государством.

Сакрализация монарха (а вместе с ним и идеи государства) еще более усиливается при Петре I, когда на него возлагаются и функции патриарха. Иначе говоря, царская власть, как и закон (ср. закон — закон Божий, вера [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 5, с. 220]) воспринималась в этот период не как правовое, а как религиозное понятие, о чем свидетельствуют данные лексикографии, согласно которым значение лексемы владычество толкуется следующим образом: 1. Обладание высшей властью (бога, верховного правителя, царя). 2. Сан владыки (архиепископа). 3. Территория (область, государство), находящаяся под чьей-либо верховной властью [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2, с. 213].

Можно предположить, что столь яркий образ царя в качестве защитника сложился в сознании народа именно в ответ на постоянный конфликт между народом и государством как способ психологической защиты. Царь виделся народу как "свой" в стане "чужих", народная молва даже приписывала ему занятия хлебопашеством, как и Христу. В то время как вся государственная администрация оказывалась как бы "пятым колесом в телеге", "неверными и лукавыми царскими слугами", мешающими непосредственной связи царя и народа. Коллективное сознание симпатизировало царю, положительно оценивая его личность, что отразилось, например, в многочисленных впоследствии сложившихся песнях о взятии Казани. Однако надежда возлагалась часто не на реального царя, а на какой-то мифологизированный его образ, который веками сохранялся в сознании народа.

По нашему мнению, представление о «должном государстве» непосредственно связано с понятием "мир" — центральным в обыденном сознании русских крестьян. Мир — основной тип русской социальности (община — более позднее, христианское образование). Лексему община можно считать синонимом — церковнославянским «преемником» слова мир. "Мир" как сельская община в древности занимал место государства, но и с ростом централизации "мир" в глазах народа оставался самодовлеющим целым и пользовался высшим авторитетом [6:85]. «Те почтительные выражения, в которых говорят о мире его члены, показывают, что они относятся к миру, как целому, действительно обладающему в их глазах верховным авторитетом, а о постановлениях его говорят как о велениях: "добил челом миру", "велели всем миром»» [4:192]. Таким образом, языковые факты также свидетельствуют о том, что идея власти в русском языковом сознании формировалась под непосредственным влиянием психологии общинного хозяйства.

Само государство понималось как система, объединяющая многочисленные "миры", то есть, по словам исследователя северо-русской общины М. Богословского, оно было "миром" в более широком объеме, отличающимся от своих образующих элементов скорее количественно, чем качественно. «Мир как бы часть федеративного целого в миниатюре, обладающего теми же свойствами, что и целое» [4:192]. Таким образом, Россия оказывалась в восприятии народа большой общиной, а под "миром" в более широком смысле понимался "русский народ".

Возможно, эволюционный семиотический ряд, фиксирующий ключевые понятия русского правового и государственного сознания от дохристианского периода до XX века выстраивается следующим образом: род — мир — община — русский народ — Русь — Россия.

Таким образом, мироцентричная языческая парадигма с инструментальной ценностью подчинения авторитету старшего, главе рода / мира показала преемственность в христианской мировоззренческой парадигме. В обыденном русском сознании

произошла соответствующая языческим ценностям интерпретация православных идеологием правды-справедливости, соборности и власти авторитета.

В аксиосистеме русской лингвокультуры понятие «соборность» как идеологическая основа мира / общины занимает одну из центральных позиций, и по определению В. В. Колесова означает «...единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения ("любви") по общности духа» [5:135]. Его ценностный потенциал, по нашему мнению, в обыденном русском сознании заложен в идее "правды мира", "правды общины", "правды-справедливости". Сама лексема соборность, мотивационным признаком которой является идея со-бранности, со-бирания, со-вместности, значимая для русской лингвокультуры, скорее соответствует идеологемному наполнению понятия, внедряемому в сознание народа официальным курсом государства.

Воспринимая государство как мир (сельскую общину), обыденное русское сознание вступало в конфликт с реальным положением дел в российском государстве. Как считает С. Лурье, реальное Российское государство никогда таким "миром" не было. И если в какой-то начальный период его внешние проявления были таковы, что русский народ мог воображать его себе в качестве "мира" посредством определенной коррекции восприятия, свойственной традиционному сознанию, то с ростом централизации и установлением крепостного права, с петровскими ревизиями, которые прикрепляли крестьян не только к земле, но и к помещикам, получившим право бесконтрольного вмешательства во внутреннюю жизнь "мира", вплоть до запрещения крестьянских сходок, положение крестьянской общины в русском государстве стало двусмысленным [6:86]. Видимо, в тот период в народном сознании окончательно закрепилось убеждение, что государство как носитель власти — это враг, близкий и беспощадный, от которого надо прятать себя, свое имущество, свою совесть. Дальнейшая история русского народа и его взаимоотношений с властью только укрепляла это убеждение. Именно это является, на наш взгляд, одной из главных причин противоречий в русском правовом сознании.

Литература

1. Афанасьев А. П. Поэтические воззрения славян на природу / А. П. Афанасьев. — М. : Современный писатель, 1865. — Т. 1.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). — Т. 2. Теория и методология: Словарь / А. С. Ахиезер. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. — 594 с.
3. Бобылёва Е. Ю. Феномен Правды как онтолого-аксиологическая доминанта русской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. Ю. Бобылёва. — Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2007. — 17 с.
4. Богословский М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке / М. Богословский. — М. : Синодальная тип-фия, 1903. — 192 с.
5. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. — М. : Златоуст, 1999. — 368 с.
6. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания (Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала) / Светлана Лурье. — СПб : Тип. им. Котлякова, 1994. — 288 с.
7. Сергеева А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А. В. Сергеева. — М. : Флинта: Наука, 2004. — 328 с.

8. Флоренский П. У водоразделов мысли / П. Флоренский // Сочинения. Т. 3 (1). — М. : Мысль, 1996. — С. 436—437.

9. СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. [Электронный ресурс]. Вып. 1—28 (1975—2008). — Режим доступа : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>. — Загл. с экрана.